

Перефразируя публикатора книги, можно сказать, что это — сопротивление «живому обаянию мысли Ольги Михайловны» в пользу надежности и трезвости.

В ряде случаев возникает потребность возразить против такого рода требовательности — не потому, что она кажется излишней, а лишь потому, что более плодотворным представляется творческое использование идей О. М. Фрейденберг. Свидетельства их актуальности можно найти среди прочего как раз в области классической филологии.

О. М. Фрейденберг предельно близко подошла к выделению набора универсальных семиотических оппозиций (двоичных противопоставлений *жизнь/смерть, правый/левый, мужской/женский, небо/земля* и т. п.) и его приложению к семантическому описанию античной модели мира. Сейчас эта методика независимым образом получила широкое распространение и плодотворное применение к анализу различных мифопоэтических текстов [см., например, хотя бы известные работы 6; 7]. Другой пример — интерес О. М. Фрейденберг к исследованию архаического менталитета в плане отношения субъект — объект, выделения объекта из субъекта и установления на этой основе понятийного аппарата, обуславливающего переход от фольклора к литературе. Эти штудии сопоставляются с напряженным интересом к анализу греческого менталитета, проявившимся, в частности, в идеях Б. Снелля (см. прежде всего [8], ср. также [12], а в последнее время см. [9]).

Уже говорилось о том, насколько сильна в творчестве О. М. Фрейденберг стихия мифопоэтического. При поверхностном взгляде может показаться, что она определяется прежде всего интуитивным мифоощущением автора, творчески активным, преобразующим в миф (т. е. реконструирующим мифологическую основу) любой фрагмент действительности. Однако это свойство или способность — скорее удачный инструмент для выражения изначально постулируемой и последовательно проводимой концепции, определяющий как общий подход, так и конкретный анализ.

Что лежит в основе «Введения в теорию античного фольклора»? Обычно в качестве организующего центра выделяется понятие метафоры, притягивающее к себе реалии и представления в описываемой картине мира. Но на более высоком уровне и метафора становится техническим приемом, эффективным способом выражения гораздо более общих идей. Если пользоваться современной терминологией, то основной пафос «Введения...» — *реконструкция архетипической модели мира*. Осознание архетипическим человеком себя в мире и мира в себе и создаваемая им картина мира — вот точка отсчета, на которую О. М. Фрейденберг ориентирует все последующие построения. Например: «Мир, видимый первобытным человеком, заново создается его

субъективным сознанием как второе самостоятельное объективное бытие...» (с. 21); «субъектно-объектное мировосприятие, а также предметное восприятие времени и пространства с причинностью „по смежности“ создают особую картину мира. Человек представляет себе, что его жизнь и жизнь природы — одно...» (с. 26): «...нужно уяснить себе, что мифотворческое сознание никак не могло сконструировать мира, который сколько-нибудь походил бы на окружавшую человека действительность... нужно... понять, что первобытный человек вообразительно жил в особом мире, не нашем реальном» (с. 29) и т. д.

Всеобъемлющая роль модели мира как основоположной структуры определяет подход к анализу любого явления: оно может быть корректно интерпретировано только внутри модели мира, но не за ее пределами. Следует подчеркнуть, что «сплошная мифологизация», столь естественная у О. М. Фрейденберг, осознана и усвоена далеко не всеми современными исследователями. Для О. М. Фрейденберг противопоставление реального мира мифологизированному соответствует в общем плане оппозиции *внешний/внутренний*, т. е. нахождению либо вне модели мира, либо внутри нее, поскольку, по определению, не существует объектов и явлений, одни из которых принадлежат реальному, а другие мифологизированному миру («...мифом служат и действия, и вещи, и речь, и „быт“ первобытного человека, то есть все его сознание и все то, на что направлено его сознание», с. 28). Подобная позиция противоположна нередким попыткам выделить из модели мира рациональное зерно, реальный опыт и т. п. Эти попытки определяются не столько отсутствием мифологического чутья, сколько отсутствием глобального взгляда на проблему.

После того, как объявлен предельно широкий подход к описанию картины мира и архетипическая модель, как в воронку, втягивает в себя мир во всем его многообразии, естественным образом возникает противоположная картина — предельное единообразие, так сказать, сужение ко дну воронки. Устройство мира сводится к одной оппозиции: *жизнь/смерть*; эта оппозиция является универсальной, классифицирующей по отношению к другим (*небо/земля, свет/тьма* и т. д.); она же определяет основную мифологическую тему, «космогоническую и эсхатологическую», т. е. тему творения мира, претворения хаоса в космос и возврата к хаосу. К этой оппозиции, или к этой теме, могут быть сведены, по мысли О. М. Фрейденберг, основные сюжеты античных мифов и, далее, сюжеты античной литературы. Совершенно необязательно видеть в этом подходе редукционизм. Это — выделение чего-то самого существенного, но взятого в наиболее общей форме, это — своего рода знак данной модели, данной культуры, ее глубинного смысла. Вместе с тем существ-